

Александр Ковалев
Так бывает

Юмористическая проза

Александр Владимирович Ковалев
Так бывает.
Юмористическая проза

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35001838
ISBN 9785449304544*

Аннотация

Особенность этой книги в том, что написанная с юмором, она глубоко реалистичная. Это рассказы об уникальных ситуациях, которые возникали в недавнее время с совершенно конкретными людьми. Ни один сюжет книги не выдуман! Да такое и невозможно придумать. Жизнь куда богаче воображения любого из фантазёров. Даже совершенно незначительные факты повседневной жизни героев в изложении автора превращаются в юмористические.

Содержание

УТРО ИЛИ ВЕЧЕР?	5
ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ	13
АМЕРИКАНСКИЕ ШАРЫ	27
СПЕЦМАГАЗИН	41
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Так бывает
Юмористическая проза

Александр
Владимирович Ковалев

© Александр Владимирович Ковалев, 2018

ISBN 978-5-4493-0454-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

УТРО ИЛИ ВЕЧЕР?

Народ Союза отмечал очередную годовщину ВОСР! Несмотря на то, что Ржевскому надо было заступать на ночное дежурство, он все-таки выпил за праздничным столом сначала одну рюмку, потом вторую. Потом его уговорили и на третью.

Быстро собравшись, он уже через час был на рабочем месте. Пока служебная машина везла его, стемнело. Работал он дежурным радистом. Работа была не пыльная. Связь работала в автоматическом режиме, педали крутить не надо. От-

стоял двенадцать часов смену и домой. Народ шутил: отлежал смену!

Чтобы радисты не теряли квалификации, начальник заставлял их передавать азбукой Морзе друг другу тексты, которыми являлись передовицы газеты «Правда». Обленившись сверх меры, они и тут нашли выход. Вместо того, чтобы гонять эти тексты морзянкой, они передавали друг другу только дату выхода газеты в свет, а потом переписывали из нее передовицу в журнал. Начальник знал про это, но сделать ничего не мог.

Размещался объект в маленьком помещении. Стойка с обо-рудованием, выдавший виды диван, обшарпанный письменный стол с закреплённым на нем телеграфным ключом. Маленькое окошко и дверь в коридор, через который было еще одно помещение побольше. Там находилась смена телевизионщиков.

Ржевский, слегка приоткрыв дверь к телевизионщикам, поздоровался, поздравил их с праздником и направился к себе.

Сменщик Коля, тоже радист, уже одетый ждал его, перебирая копытами. Как же, ведь дома ждут его, не садятся за стол. Смену сдал, смену принял!

В помещении было прохладно. Ржевский выключил лампочку освещения. Контрольных лампочек на стойке оборудования вполне хватало. Своего рода ночничок.

Лег на диван, накрылся драным полушубком и не заметил

как уснул.

Разбудил его телефонный звонок. Не вставая с дивана, он по-тянулся к телефону и снял трубку.

– Ржевский слушает!

– Ржевский? – вопросительно спросил голос в трубке. Ржевский узнал голос начальника Узла связи. Для него это был очень большой начальник! Он рядовой радист. У него свой начальник, потом начальник цеха, потом Главный инженер. Начальника Узла связи он видел два раза в год, когда тот читал доклады на общем собрании коллектива.

Услышав его голос, Ржевский опешил. Ему захотелось как-то особенно почтительно и с пафосом доложить. Ведь такой день! Вро-де бы как: «отдыхай спокойно, страна, мы на посту не дремлем!».

Он вскочил с дивана, вытянулся в струнку, как будто тот мог видеть его, и бодрым голосом выпалил:

– Доброе утро, Юрий Петрович, радист Ржевский у аппарата. На том конце провода повисла пауза.

– Ты что, пьяный? – раздался наконец-то голос большого начальника.

– Никак нет! – сам не зная почему, по-военному отрапортовал Ржевский, хотя в армии не служил.

– А почему утро, а не вечер?

«Елки-палки – пронеслось в голове Ржевского, – спросонья перепутал».

– Извиняюсь, Юрий Петрович! Добрый вечер! – Нет, ты

мне точно скажи, утро или вечер!

Ржевский заметался по тесной комнатухе. Рванулся к окошку. Слава богу, длина шнура телефона позволяла. На улице ни зги! Резко распахнул окно. Высунулся по пояс. Звезды и Луна были единственными источниками света. Первый раз в жизни он пожалел, что не любил астрономию в школе. Наверняка по Луне можно было определить утро сейчас или вечер. А-а-а-а, была не была!

– Доброе утро, Юрий Петрович! – снова выпалил он в трубку, а сам подумал: «угадал или нет»? Тут его осенило. «Черт побери, как же я забыл. Часы! Ведь над дверью висят часы» – впопыхах он даже свет не включил. Секунда, он дернулся к выключателю. Часы показывали половину восьмого. Надежда растаяла. В это время в ноябре и утром, и вечером одинаково темно. «Караул, горю», – мысленно запаниковал Ржевский. Трубка не унималась.

– Да ты там пьянствуешь? На дежурстве! В такой-то день! Да я тебя сейчас сниму с дежурства! Выгоню за пьянку на рабочем месте!

– Юрий Петрович! – взмолился Ржевский. – Ну выслушайте, пожалуйста! Трезвый я! Ну, перепутал случайно. Узнал вас, раз-волновался. Разморило немного, с кем не бывает...

– Тогда скажи, мне утро или вечер, – не унимался большой начальник.

– Утро!

– Точно утро? – Точно!!!

– Ну, сейчас я направлю туда твоего начальника. Пусть он тебе сыграет пионерскую зорьку.

Неужели не угадал?! Спасение было за стенкой, где дежурила смена телевизионщиков. Они уж точно знают, утро сейчас или вечер. Ржевский бросил трубку на стол, рывком открыл дверь, в два шага пересек коридорчик и также рывком рванул дверь в комнату телевизионщиков. Яркий свет резнул по глазам. Там работали мониторы, контрольные телевизоры. Мужики спокойно сидели по своим рабочим местам, занятые каждый своим делом.

Можно было бы по телевизионной передаче определить, утро или вечер. Если бы передавали «Утреннюю почту», то утро, а если «Спокойной ночи, малыши», то вечер, но по телевизору показывали сериал.

От неожиданно распахнувшейся двери все вздрогнули. Мало ли кто может ворваться на объект ночью. Ведь Ржевский давно уже спит, они абсолютно в этом уверены, но в проеме двери стоял именно Ржевский. Спросонья, весь лохматый и с перьями от прохудившейся подушки в волосах. Мятый, как использованная туалетная бумага. Прямо с порога он выпалил:

– Мужики, выручайте, утро сейчас или вечер?

От такого вопроса все на мгновение обалдели. Перепил Юра, горячка!

– Утро или вечер? – уже с мольбой в голосе повторил он

свой вопрос. Карпов, который только что приступил к поеданию бу-терброда с колбасой, успел откусить первый кусок и едва его про-жевать, так и застыл с открытым ртом. Потом глотнул и медленно так, нараспев произнес:

– В е ч е р! – не уверенный до конца, надо ли вообще отвечать на такие вопросы взрослому человеку, находящемуся при испол-нении. В это мгновение Ржевский исчез. Все переглянулись. Может показалось! Нет, открытая дверь была доказательством того, что это реальность.

– Надо сходить посмотреть, что с ним, – произнес Карпов, придя в себя. Мне кажется, он того... – и покрутил пальцем у виска. Все это заняло секунды. Ржевский схватил трубку и хотел в очередной раз поприветствовать большого начальника: «Добрый вечер, Юрий Петрович», но в трубке было только пи-пи-пи. На том конце положили трубку.

– Не успел, зараза! – В сердцах произнес он вслух. – Погорел! Черт бы его побрал! Зачем он звонил мне? Кто я такой для него?

Сейчас приедет Симкин и начнется... Опять пьяный! Пиши объ-яснительную!

Он сел за стол. Вырвал из ученической тетради листок в кле-точку. Написал «Объяснительная».

«Я, Ржевский ..., заступил на дежурство в соответствии с гра-фиком дежурств. В помещении было прохладно, я прилег на ди-ван, накрылся полушубком и не заметил, как уснул...».

В помещение зашел Данилов, начальник смены телевизионщиков.

– Юра, что с тобой?

– Ничего! Начальник узла звонил!

– Кто-о-о-о-о? Чего он тебе звонил? Сколько работаю, он и нам-то никогда не звонил. Ну, и что ему от тебя было надо?

– Не знаю! Я ляпнул ему «доброе утро»! Выслужиться захотел, идиот! Сейчас приедут снимать меня с дежурства.

Данилов расхохотался:

– Да он просто по ошибке попал на тебя. – Как по ошибке?

– Очень просто! Звонил нашему начальнику, а попал на тебя. У него 22—56, а у тебя 22—65. Принял стопку на грудь в честь праздника, вот и ошибся! Он ведь тоже человек.

– Е-мое! Так это я сам себя под раздачу подвел! Выслужился на свою голову!

За окном мелькнул свет фар приближающейся машины. Потом послышался топот ног. В общий коридорчик ввалились начальник Ржевского Симкин и его сменщик, Коля, которого он только что сменил.

– Доброе утро! – язвительно поздоровался Симкин. – Имею поручение Главного инженера составить акт, что ты пьяный и снять тебя с дежурства. Коля отстоит вместо тебя.

Ржевский опешил:

– Да ты и сам вроде бы поддатый. – Ну и что, я выходной!

– Да и Коля, смотрю, уже успел пригубить. Выходит, мы

будем составлять акт так: «Мы, нижеподписавшиеся, будучи не совсем трезвыми, составили настоящий акт в том, что Ржевский тоже не трезв». Так?

Данилов опять расхохотался.

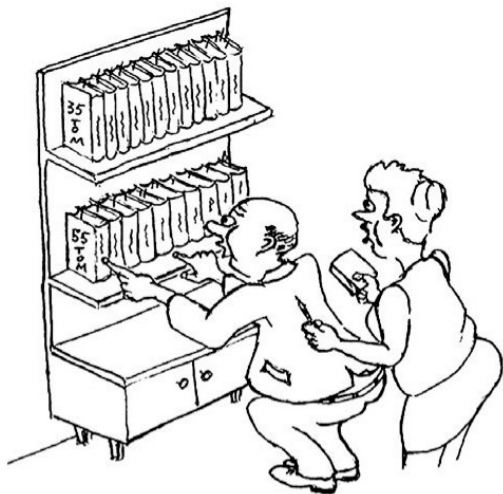
– Черт с вами! – сдался Симкин.

– Мотайте отсюда оба. Я сам ОТСТОЮ! А с тобой завтра будем разбираться. Пиши объяснительную.

– Я уже написал! Могу дать почитать перед сном.

Когда звук отъезжающей машины стих, Симкин выключил свет, лег на диван, накрылся полушубком и не заметил, как уснул.

ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ

Носков чудил. Проходя мимо магазина «Политическая книга», он забрел в отдел подписных изданий. В полной тишине и полумраке за столом сидела пожилая женщина в очках, академической внешности. Вскинув вопросительный взгляд на Носкова, она спросила:

– Что хотите, молодой человек?

– Хочу оформить подписку на пятое издание Владимира Ильича Ленина.

– Похвально, молодой человек, особенно накануне два-

дцать пятого съезда КПСС. Присаживайтесь, пожалуйста!

Редкий случай! Неужели молодежь начала интересоваться классиками марксизма?

– Несколько вопросов. Учитесь, работаете? – Студент института связи. Пятый курс.

– Очень хорошо! Живете где? – В общежитии номер два.

– Паспорт с собой? – Конечно!

Формальности не заняли много времени.

– Вы знаете, я могу вас обрадовать! После оформления подписки вы сразу можете забрать двадцать четыре тома, вышедших из печати, а остальные тридцать один в течение полугода. Вас устраивает?

«Эх, если бы так легко можно было подписаться на Большую советскую энциклопедию, или на Марка Твена, или на Вальтера Скотта!» – пронеслось в голове Носкова.

– Да, да, конечно, устраивает. Как раз закончу институт с полным собранием сочинений.

Хватило бы денег. Ведь он не рассчитывал сразу отгрузить двадцать четыре тома. Но когда узнал суммарную стоимость покупки, очень обрадовался. Это оказалось по карману. Политическая литература была доступной для всех слоев населения и студентов в том числе.

Женщина академической внешности помогла ему упаковать книги и он, довольный собой, двинулся в сторону общежития, сгибаясь под тяжестью двух упаковок книг.

Комната была на четверых. Из мебели кроме кроватей

в ней стоял стол и книжный шкаф из трех полок, которые были завалены газетами, журналами, учебниками, методичками, кружками с остатками чая и засохшим хлебом, который поедался ночью и оттого казался необыкновенно вкусным.

Носков освободил верхние полки и аккуратно выложил книги на них. Прикинув, он понял, что все пятое издание не войдет в один шкаф. Надо что-то придумать.

Взяв один томик в руки, он с большим удовольствием отметил приятный запах, исходящий от новой книги, и качество печати. Каждый томик был упакован в коробочку из картона, в которую он вставлялся, как ящичек в пенал. Страницы были местами склеены, как это бывает у всех новых книг. Торец был обработан краской под золото. Корочка была сверхтвердая, бумага ослепительно белая. Это был шедевр полиграфии, который приятно было держать в руках. «Жаль, что такие книги не читают, а только конспектируют», – подумал он.

За последующие три месяца Носков получил еще десять томов и, таким образом занял ими все полки. Соседи по комнате сердились на Носкова за то, что он тихой сапой захватил весь шкаф, но молчали. Уж очень красиво он смотрелся, упакованный подписным изданием, да и сама комната приобрела совершенно необычный вид.

К этому времени ему удалось подкараулить момент, когда в холле их этажа складировали старую мебель, и он утащил

к себе в комнату еще один выдавший виды книжный шкаф, который решил проблему.

К Носкову зачастили однокурсники с просьбами дать нужный томик для конспектирования, чтобы не терять время на поход в библиотеку. Иногда он шел навстречу, но на руки книги никому не выдавал. Зачастую два, а то и три человека сидели в их комнате и «скрипели перьями». Это тоже не могло нравиться «сокамерникам», но и это они терпели. Не хотели связываться с Носковым, зная его вздорность и непредсказуемость.

Беда пришла, откуда Носков ее не ждал! По общежитию про-катилась волна слухов. Завтра комиссия по проверке чистоты и содержания комнат! Надо отметить, что комиссии эти, возглавляемые комендантом, были более чем представительными и с самым широким спектром полномочий. Вплоть до выселения, а иногда и того хуже.

Время и дата держались в секрете, но в этот раз всем успели сообщить, что комиссия нагрянет неожиданно, в понедельник двадцать второго числа в 14—00 по Гринвичу.

Все панически боялись коменданта, а уж возглавляемой им ко-миссии – тем более. Все, кроме Носкова.

Комендантом был отставной военный в возрасте за шестьдесят. Мужик хамоватый, недалекий, попивающий, но с болезненным самолюбием и жаждой власти.

Костяшками пальцев стукнули в дверь и, не дожидаясь приглашения войти, в комнату ввалилась комиссия, часть

которой не уместилась в ней и осталась на пороге.

Из жильцов в комнате находилось двое: Носков и Емельянов, который вскочил с койки и вытянулся. Носков остался сидеть на кровати.

Все члены комиссии, как шестерки, держали в руках блокнотики и записывали в них все замечания и отмеченные недостатки, чтобы исполнить указания или взять на контроль.

Прямо с порога, не дождавшись пока все члены комиссии вва-лятся в комнату, комендант через плечо отпустил команду своей заместительнице:

– Два книжных шкафа не положено! Один шкаф забрать! Записали, Клавдия Ивановна?

– Да! Конечно, Петр Петрович!

С кровати медленно встал Носков: – Простите, а книги куда?

– Книги в ящичек и под кровать! – категорично распорядился комендант.

– Извините, я не ослышался? Я правильно понял вас? Вы сказали: книги Ленина – под кровать?!

Комендант, пьяный от власти, моментально отрезвел от такого поворота разговора.

– Какого Ленина? – задал он дурацкий вопрос, от которого перекорежило всю комиссию.

– Ульянова! Владимира Ильича! – Причем здесь Ульянов?

– Да вы что, прикидываетесь?

Словесная дуэль с Носковым была явно не по силам отупевшему коменданту, который и без того не отличался остротой ума. Да и не привык он к диалогам. «Шагом марш! Отставить! Упал-отжался! Есть!» – вот выжимка из его словарного запаса.

– Вы не видите, что это пятое издание полного собрания сочинений Ленина Владимира Ильича! Его прикажете под кровать? Ленина под кровать!!!

Это была бомба, которую Носков метнул в коменданта, а попал во всю комиссию. Они даже не успели пригнуться, как их тут же контузило, лишив дара речи.

Комендант сделал три шага вперед к шкафу, наклонился и в этой позе застыл, как вкопанный. Он разглядел на торце стоящих на полке книг имя Вождя мирового пролетариата.

Не может быть! Он не верил своим глазам. Точно, книжки Ленина! Чтобы убедиться в этом, он пощупал одну из них рукой. Да, это не обои, это настоящие книжки Ленина, да еще, по словам очкарика, какое-то пятое издание! Впрочем, это уже было не так важно: пятое или четвертое, под ложечкой все равно неприятно зануло.

В сознание его вернул голос Носкова:

– Товарищи члены студсовета и члены комиссии! Вы слышали?! Товарищ комендант распорядился разместить подписку Ленина под кроватью!!! Мой комсомольский долг обязывает проинформировать кафедру политэкономии и партбюро института о порядках в нашем общежитии и отноше-

нии его руководства к политическим изданиям и, конкретно, к пятому изданию В. И. Ленина. Думаю, что завтра не мы, а вы, товарищ комендант, будете встречать комиссию института во главе с проректором, задачей которой будет разобратся, а не сознательная ли это линия, проводимая вами, или просто политическое невежество и близорукость отдельных личностей, которых надо безжалостно выкорчевывать из наших стройных рядов.

Носков так напористо и убедительно говорил, что не только комендант, но и все члены комиссии почувствовали себя при-частными и обвиняемыми в страшном грехе. Политической ошибке, которая известно чем смывается! Уж это они, как особо приближенные, знали лучше Носкова, а тот продолжал:

– Товарищи! Я призываю вас всех в свидетели!

Те члены комиссии, которые еще не успели ввалиться в комнату и наблюдали происходящее с порога, предусмотрительно «самоликвидировались». В свидетели по такому делу ой как не хотелось!

Те же, кто успел войти, стояли, открыв рты, и, моргая зенками, сожалели, что поторопились в числе первых влезть в эту странную комнату, где попали под раздачу вместе с комендантом!

Ну, кто мог такое предположить?! Ленин в общежитии!!! Аккурат-но расставлен по полочкам! Томики пестрят мас-сой закладок, что подтверждает факт интенсивного пользо-

вания.

Носкова уже было не остановить!

– Половина общежития приходит ко мне конспектировать Ленина. Смотрите, сколько закладок! Да, мы ежедневно читаем вслух. Что я скажу комсомольцам? Слазь под кровать, найди там в пыли томик Ленина, которого велел туда положить комендант нашего общежития? Это накануне-то двадцать пятого съезда КПСС!!!

Последняя фраза прозвучала уже как приговор. Комендант струхнул не на шутку. В том, что свидетелей из его шестерочной комиссии найдется хоть отбавляй, он не сомневался.

– Кстати, а сами-то вы когда последний раз конспектировали Ленина? «Материализм и эмпириокритицизм», например, давно перечитывали? – с угрозой в голосе произнес Носков.

– Что можете сказать по этому поводу? Совпадает ли ваша точка зрения с признанной ЦК? Вы, батенька, знаете, что про таких как вы, Ленин писал в 20 томе в статье «По поводу ухода депутата Т. О. Белоусова из социал-демократической думской фракции». Читали? Нет! Советую почитать! Особенно перед сном. Гарантирую, до утра не заснете!

Ноги коменданта дрожали. Коленки предательски подогнулись. Пот выступил на лбу. Он уже мысленно прикидывал, какая это может быть статья? Неужели пятьдесят восьмая, пункт десять. Нет, ее, кажется, отменили. Тогда семи-

десятая корячится. Вот гад! Прежде таких студентов ему не приходилось встречать. Меняется время, меняется контингент. Старый осел. Совсем потерял бдительность, расслабился, вот и погорел! Откуда он выкатился-то, этот шар, да еще так неожиданно. Ведь и впрямь может раздавить! Шутка ли. Поднять руку на Ленина. Тут не без руки, без головы останешься.

Слушая Носкова, Емельянов зажмурил глаза. «Все, завтра его выпрут из института, а может быть и меня за соучастие! Кошмар!» Носков и сам это чувствовал, но, в отличие от Емельянова, понимал, что спасение только в нападении. Он не знал, стоит ли весь его проект с подпиской Ленина такой цены, но его было уже не остановить. Он поймал кураж!

– Ваше счастье, что сейчас другие времена. Оттепель. Можете себе представить, где бы вы оказались после предложения засунуть книги Ленина под кровать, лет эдак двадцать назад! А если бы это была подписка Сталина? Вас бы искали до сих пор и безрезультатно.

Вся комиссия, как один, слушала этот монолог, не смея проронить ни слова! Не наглость Носкова удивляла их, а то, как быстро обмяк комендант!

Страх, дремавший в нем на генном уровне еще со Сталинских времен и казавшийся давно пережитым, вдруг с новой силой овладел им. Очкастый студент, сам того не ведая, в два счета вернул его из забытья и ввел коменданта в такой ступор, из которого он без посторонней помощи выйти уже

не мог.

Это было похоже на запрещенный прием, который применил Носков.

Подсознательное желание коменданта раздавить этого студента, как клопа, которыми кишело вверенное ему общежитие, упиралось в непреодолимое чувство опасности за свой зад, которое его не подводило никогда.

Он вдруг осязаемо почувствовал себя в шкуре Троцкого, на которого всем своим политическим весом навалился Сталин на Пленуме ЦК ВКП (б) в январе 1925 года. Чем это закончилось для Троцкого, знают все.

Члены комиссии, с блеском прошедшие тест на лояльность, еще надеялись, что вот сейчас комендант придёт в себя и рявкнет в свойственной ему манере бывшего служаки: – Как фамилия? Как стоишь? Курс, группа? Молчать!!!

Но ничего подобного не происходило, наоборот, Носков полностью овладел инициативой.

– «Старые задачи и старческая дряблость либерализма», том двадцать третий. «Не кверху нужно глядеть, а книзу», том тринадцатый. «По торной дорожке», том семнадцатый. Это все про таких как вы написано Ильичом! Перечитайте, если забыли!

К коменданту медленно начала возвращаться речь.

– Да я, ... я, ... я, ... это! Да мы! Ты это, политику мне не шей! Я...

– Комиссия разберется! Как писал Ленин в тридцать чет-

вертом томе в статье «За деревьями не видят леса» – вот образчик филистерской доверчивости и забвения классово-борьбы.

Комендант не понимал, о чем он говорит. Грамотешкой он не отличался с детства, потому и пошел в военные. Паек, обмунди-рование.

Давление, которым он страдал, резко подскочило. В висках стал отзываться учащенный пульс. Его изрядно качнуло.

– Да я, да я... и Ленина, и... Сталина и это... Да я, это, «Великий почин» тоже знаю! Ни одного с-с-с-убботника не пропустил! – только и смог он выдать в свое оправдание.

– Это хорошо! Кстати, вы воевали? Нет? В тылу отсиделись, а у меня отец воевал. Ранен под Секешфехерваром.

Это было уже слишком! Последние ошметки коменданта Носков размазывал по потолку. Назад ему дороги все равно уже не было. Все как у Галича: «... ты ж советский, ты же чистый как кристалл, начал делать, так уж делай, чтоб не встал».

Емельянов, до того зажмурившийся, приоткрыл один глаз, чтобы не пропустить концовку. Развязка была близка и не сулила Носкову ничего хорошего.

Наконец речь к коменданту вернулась окончательно. Он перестал заикаться и, как только возникла микроскопическая пауза в монологе Носкова, рявкнул в свойственной ему манере:

– Ну, Клавдия Ивановна, чего стоите?! – снова бросил он фразу через плечо.

– Я тут, Петр Петрович! – вздрогнула та от неожиданности и ее и без того красная морда лица загорелась как лампочка.

– Пишите в свои бумажки: сегодня же заменить шкафы на новые, которые вчера привезли по разнарядке. Какая это комната?

– Двести седьмая!

– Выделить двести седьмой комнате три книжных шкафа с учетом поступления очередных томов пятого издания Владимира Ильича!

– Боюсь, третий не войдет.

– Тогда поменять стол на новый и выделить чайник из моего резерва. Записали?

– Да!

– А вы что, сами не видели, в каком состоянии хранится по-литическая литература? Ждали комиссии! Вам ноги переставлять надо? Может, еще хвосты заносить? Смотрите у меня! Давно не конспектировали классиков! Распустились! Всех усажу рефераты писать. Прошу членов комиссии освободить помещение.

Потом ткнул пальцем в грудь Емельянову: – И тебя тоже это касается.

Спотыкаясь друг о друга, члены комиссии и Емельянов среди них ломанулись из тесной комнатки назад в коридор,

как будто опасаясь, что отставших включают в списки свидетелей.

Комендант подошел вплотную к Носкову, который, как Серпилин у Булгакова в «Беге», молчал и ждал своей участи. Взялся за пуговицу на его рубашке, покрутил вправо-влево.

– Молодец! Далек пойдешь, если не остановят! Я ведь на самом деле того... не ожидал. Чего я только за десять лет в общежитиях не перевидал! Думал все. Ничем не удивишь. А тут ты так ловко подловил с политикой. Вместо голых баб на стенках – Ленин! Владимир Ильич на полке! Пятое издание!!! Чтобы Ленина в общежитии вслух читали, да еще и под конспект! Никогда бы не поверил, если бы не увидел столько закладок.

Ты это, чудака или сильно хитер, не пойму. Неужели действительно так любишь читать Ленина?

– Вы сомневаетесь?

– Ну да ладно! Слушай, не давай хода делу, прошу. Слово даю, не заметил Ильича, когда вошёл! Не веришь? Давай, я тебе «че-нибудь» законспектирую из пятого издания! Внука посажу, он тебе всю книжку перекачает.

– Нет, не надо мучать внука! Лучше тоже оформите подписку на пятое издание.

– Дорого выйдет? Очередь большая? Сколько уже вышло книжек?

– Тридцать четыре!

– Многовато! Меня жена спустит с лестницы, если я при-

тараню ей вместо «Королевы Марго» и «Анжелики» тридцать четыре томика пятого издания. Она у меня политически не подкованная. Упустил в свое время. Теперь уже поздно. Слушай, как тебя зовут?

– Митя.

– Какой курс? – Пятый.

– О-о-о! Слушай, Митя, чего тебе в четырехместной комнате ютиться. Давай, переселяйся в двухместную. Я распоряжусь. Там посвободнее и третий шкаф войдет. Хватит места и для пятого издания Владимира Ильича и еще останется для Карла Маркса и Фридриха Энгельса! Кстати, какое там у них издание? Извини, запомнил. Ну что, договорились? Смотри, соглашайся, пока я не пришел в себя окончательно! – пытался шуткой завершить инцидент комендант.

В этот день комиссия уже не возобновила свою работу. В соседних с Носковым комнатах ее так и не дождались. Зря драили и наводили лоск. Зря весь день не садились на прибранные кровати. Некоторые даже обиделись: черт, для чего старались? А почему не пришли к нам? Ведь ходили по этажам, мы видели! Кто-нибудь знает? Когда ждать снова?

Спешно покинувшая общежитие комиссия оставила после себя много вопросов.

АМЕРИКАНСКИЕ ШАРЫ

Заграничная командировка Шилина в Сан-Франциско заканчивалась. Две недели в Америке пролетели незаметно. Не каждому так везет! Другая планета. Завтра домой. Гуд-бай, Америка, как пел «Наутилус».

Опять грязные вокзалы Москвы с бичами. Таксисты, хватающие за рукава. Уличная торговля с рук. Наперсточники. Обменники в каждой подворотне. Оружие на всех углах и во все горло новоявленные «звезды» российской эстрады.

Одним словом, все «прелести» начала девяностых ждут его, но Родину не выбирают!

Основные покупки на мизерные командировочные сделаны. Сувениры руководству, игрушка дочке, кофточка жене, тарелка с видом Сан-Франциско.

Шилин пересчитал металлическую американскую мелочь. По-лучилось чуть больше четырех долларов. Не везти же ее в Россию.

В последний раз он зашел в расположенный по соседству с его отелем гигантский магазин. Прощатавшись по нему два часа, он так и не смог ничего выбрать за четыре доллара. Наконец он ввалился в очередной отдел, который отличался от всех других полным отсутствием покупателей. Это был отдел надувных изделий. Огромное количество шаров и всего того, что можно надуть, было представлено в лучшем виде.

«Как же я сразу не догадался!» – воспрял духом Шилин. – Шары! Вот, что можно отоварить на мелочь. На сувениры пойдут с шумом. Кто откажется от парочки американских шариков: и дешево, и сердито. Хватит на всех знакомых и не очень».

Его внимание привлекла тележка, в которой он увидел туго сби-тые в пачки резиновые шары. Чем-то эти упаковки напоминали свадебный букет невесты. Плотное сбитое основание, перехваченное крепкой лентой, и пышная шапочка сверху из цветных шариков.

Молоденькая, будем справедливы, очень красивая продавщица, опустив голову, что-то делала на прилавке. Увидев редкого покупателя, она оторвалась от своего занятия и подарила ему очаровательную улыбку.

«Боже мой, сколько же у нее зубов во рту? Не может быть, чтобы тридцать два. Штук сорок, не меньше. Надо бы ей тоже подарить в ответ свою. Так у них принято. Это не Россия, где человек человеку конь», – подумал Шилин, но вспомнив про свой «забор» во рту из железных коронок, где четыре моста, воздержался, опасаясь, что может испугать ее. «Симпатяшка», – оценил он женские прелести продавщицы.

«Ну, сколько может стоить шарик», – прикинул он. «Пять центов максимум. Резинка, что с нее взять. Это же Америка! Такая дрянь здесь не должна стоить дорого».

Шилин взял двумя пальцами один из шаров в связке, поднял всю связку за него на уровень груди и громко, чтобы привлечь внимание продавщицы, произнес на «чистом» английском языке.

– Хау мач?

– Твенти центс! – ответила она и снова подарила ему уже вторую очаровательную улыбку. «Хороша, чертовка!» – отметил

Шилин. Настроение стало подниматься. Он стал в уме прокручивать счет. «Ван, ту, сри, фо, ... твенти – двадцать! – наконец сообразил он. – Как двадцать?» Прикинув, сколько в упаковке может быть шаров, Шилин оторопел.

По самым скромным подсчетам – не менее двухсот штук. Вот это страна! Я же говорил, что в Америке такая мелочь ничего не стоит. Ай да молодцы!

Двадцать центов за такую пачку шаров! Это я могу на четыре доллара обеспечить ими себя на всю жизнь и всех своих близких тоже. Вот она, Америка! Свободная страна! В России за один такой шарик семь шкур сдерут.

Сбегав за корзинкой, Шилин стал набирать в нее шары. «Вот огорошу я своих компаньонов, которые вряд ли доберутся до этого отдела. Так и быть, штук по двадцать им подарю, не обеднею».

Он взял десять упаковок шаров. Каждая упаковка тянула не менее полкилограмма. «Хорошо утрамбовали! Явно не вручную. Умеют, черти!»

Его развезло от халявы. «Зачем только простые шары брать, тут же всякие есть. Мать честная! Каких только нет! С Днем рождения! Свадебные! Шуточные с картинками и прочая тематика. Надо разнообразить. – Он стал еще по одной пачке добавлять в корзину. – Если простые по двадцать центов за упаковку, то с рисунком, ну пусть сорок центов. Хватает денег!»

Пятнадцать упаковок шаров заняли полную корзинку. «Хватит!» – решил Шилин, – «жадность фраера губит. Четыре доллара – должно хватить».

Он подтащил корзинку к симпатяшке и поднял ее на прилавок перед ней, оценив общий вес около шести килограм-

мов.

Она отложила свое занятие, снова улыбнулась ослепительно белыми, жемчужными зубами и что-то сказала ему. Но он не понял, боднул головой и ответил:

– Ай эм пэй мани!

Это была ещё одна фраза из его «богатого» словарного запаса. Она сразу определила в нем не местного. Столько шаров мог купить или заезжий миллионер, или саудовский шейх.

Впрочем, на миллионера Шилин был похож! Ведь считается, что миллионеры очень жадные и не броско одеты. Таким и был Шилин. В старом черном японском плаще восьмидесятого года приобретения, с поясом, который выглядел «почти как новый». В тупоносых туфлях на микропорке. Брюки с легким намеком на бывшие стрелки, фетровая шляпа. Фишкой выглядел красный галстук на рубашке в синий горошек.

Миллионер, да и только! Правда, подпольный, умело маскирующийся. Одни часы «Полет» чего стоят!

Но зачем ему столько шаров? Так хотелось поинтересоваться! Женское любопытство не побороть. Она пыталась заговорить с Шилиным:

– Дойч? Шилин молчал.

– Френч? – пыталась она угадать. Шилин молчал.

– Итали?

«Что ей от меня надо? Вот пристала!» – подумал Шилин.

– Р-а-ш-ш-ш-а-а!!! – Нараспев произнесла она, догадавшись наконец-то, что он русский.

Брови у нее взлетели на лоб от удивления, как будто она увидела у себя в отделе звезду Голливуда. Да, раньше ей приходилось видеть русских с Брайтон Бич, но это были не те русские. Настоящий русский стоял перед ней. Кроме «хау мач» они ничего не могут сказать, а когда им отвечают на этот вопрос, ничего не могут понять. Улыбка ее стала еще шире, на все сорок четыре зуба!

Она даже слышала где-то про «новых русских». Неужели один из них перед ней? Теперь понятно, почему он берет немыслимое количество шаров. Они деньги не считают! Но почему же он в та-ком неглиже?

Шилин заметил, что очередная улыбка, которой она ода-рила его, была уже не дежурной, а с долей кокетства.

От разочарования что она так и не узнает, зачем русско-му столько шаров, она решила задать ему последний вопрос, на засыпку:

– Фром Москоу?

Шилин догадался: «Что-то про Москву спрашивает. На-до кивнуть, чтобы отстала. Эх, если бы она говорила по-рус-ски или он по-английски, он бы не отказался поболтать с ней «за жизнь».

Симпатяшка вынула из ящичка щипчики и ловко переку-сила стягивающую упаковку шаров ленту.

Шары просто брызнули на прилавок, образовав огромную

кучу. «Да тут не двести, а все триста будет в пачке», – с удовольствием отметил Шилин. – Зачем же она вскрыла упаковку? Неужели будет надувать и проверять каждый на целостность? Да! – восхитился Шилин, – Америка! Ничего не скажешь! В пачках удобнее запаковывать их в чемодан, но ничего, и так можно. Рассую по свободным полостям чемодана».

Она изящно нажала кнопку под прилавком и откуда ни возьмись выскочила вторая симпатяшка, не хуже первой, которая также одарила Шилина ослепительной улыбкой и, вместо того чтобы кинуться надувать шары, начала быстро-быстро их считать.

«Зачем пересчитывать? Ведь копеечный товар! Я не обижусь, если пару штук не хватит. Чудачки!»

В четыре руки девушки считали шары быстро, как могли. После каждого десятка они «кликали» по кнопке на клавиатуре кассы и на дисплее кассы цифры суммировались.

Когда цифры стали трехзначными, Шилин обратил внимание на вторую строчку дисплея кассы. Что это? Там тоже цифры менялись с такой же скоростью, как и на первой. Он пригляделся и понял: это итоговая сумма.

Итого двести сорок долларов! Уже двести пятьдесят, пока он соображал!

«Мать честная! Так это за штуку, а не за упаковку двадцать центов!!! – дошло наконец-то до него! Так ложануться! За дурацкий шарик двадцать центов и, это за простой, а она сейчас вспорет упаковку с надписями, те вообще по сорок!

Да за такие деньги можно шар-пилот купить, которые запускают метеорологи в небо. Они что, офигели? Паразиты! Вот тебе и Америка!»

Сумма росла неумолимо и вскоре достигла пятисот долларов.

Непонятно почему, но у него вдруг возникла мысль, что бы он сделал, если бы у него на самом деле было пятьсот долларов. Что бы он купил? Уж точно не резиновых шариков.

Он очень хотел фотоаппарат с зумом. «Кэнон» с зумом стоил сто долларов.

Потом у него возникла озорная мысль, а что если все эти шары надуть. Сколько потребуется времени и влезут ли они все в этот отдел с симпатяшками.

«Все-таки они не чудачки, а тупые, как говорит Задорнов. Ведь даже мысли не возникло, зачем человеку столько шаров?» Хоть бы поинтересовались, действительно ли он собрался покупать эту кучу. Что с ней делать?

Потом сам ответил на свой же вопрос. «Она ведь спрашивала тебя, дурака, о чем—то! Ты кивал башкой. Сейчас погремлю мелочью американской в кармане. Интересно, какая будет реакция? А может показать им всю мою наличность? Вот смеху будет!»

Отвлечшись от мыслей, он снова глянул на дисплей кассы. Когда сумма перевалила за восемьсот долларов, а работа по пересчету шаров было еще в самом разгаре, он уже

не стал думать, что бы он сделал с этой суммой, если бы ему дали ее просто подержать.

Не думал он и про бонус в виде насоса, который обязательно положен ему за такую крупную покупку. «Интересно, сколько они скинут, если поторговаться? Пора! Как бы ни позорно это выглядело, но надо рвать когти! Делать ноги! Сматываться! Как еще в России это называется? Драпать! Улепетывать! Смываться! Одним словом – линять! Но как? Просто развернуться и убежать? Не солидно. Особенно после выданных в кредит очаровательных улыбок. Я же не босяк! Да, без копейки, да из России, но не босяк! Может, подарить им все-таки одну улыбку из нержавеющей стали вставных зубов и, спокойно развернувшись, попрощаться по американски: „чао какао“. Я передумал! Не нравятся мне эти ваши американские шары, мелкие они какие-то. Потом, вы их даже не проверили, не надули! Может, они дырявые! Так она кликнет полисмена, вон он рядом с их отделом скучает, и что тогда? На каком языке я ему буду объяснять, почему презервативы в России и сколько их можно купить на восемьсот долларов США. Да на такие бабки можно маленький страстат купить! Международный скандал. На работе узнают, позорище!»

В голове крутились варианты оставления поля боя с сохранением лица. Таких оказалось немного.

«Надо так проскочить турникет, чтобы она, занятая счетом, не успела сообразить, а для этого надо максимально

приблизиться к нему на два-три шага ближе. Чтобы рывком выскочить из отдела. Если рвануться сразу от кассы, то вдруг у них кнопка на турникет. Только ты подбежишь к нему, она его заблокирует дистанционно. Это ведь Америка! Что тогда? Сигать через него, как безбилетники в Московском метро? Не эстетично! Да еще в шляпе!

А если запнёшься? Мордой в пол. Чай не мальчик!»

Шилин сделал первый пробный шаг влево. Она не заметила. Он обнадежился. Еще маленький шажочек влево. Она подняла голову:

– Сорри, сэр!

Извиняется, что так плохо работает и долго занимает время та-кого «уважаемого» человека, который заехал на минутку купить детишкам четыре тысячи их любимых шариков.

Посчитанные шарики они ссыпали в огромные пакеты, которые заклеивали фирменным скотчем.

Шилин сделал еще один шажок влево. – Экскъзми, сэр! Джаст э момент!

Симпатяшка уже не знала, как извиняться. Из подсобки выбежала ещё одна помощница китайской национальности, по своему виду – из обслуживающего персонала. Вытирая руки на ходу, она тут же включилась в процесс. Счет пошел еще быстрее. Они старались.

– Экскъзми, сэр! Джаст э момент!

«Что она бухтит? Чего ей надо от меня? Что она лопочет?»

По тону вроде бы не сердится и не требует стоять на месте. Сдались мне эти шары на всю оставшуюся жизнь! Эх, надо было учить в школе английский!» – он бросил последний взгляд на турникет.

Оценил количество шагов. Получалось ровно три шага, но очень больших.

После каждой сотни шаров он стал делать шаг в сторону, по-ближе к спасительному турникету. Она это заметила и поняла по своему. «Медленно работаем! Покупатель устал ждать! Такие покупатели не каждый день! Надо ускоряться».

«Точно дурочки! Даже жалко их стало. Никогда им не понять с кем они связались! Высыпать бы им на прилавок всю эту проклятую мелочь и сказать: «Девочки, дорогие, это вам за хлопоты. Я пошутил! Шутки такие у нас в России! Холодно там, вот мы и хохочем без повода, чтобы согреться!»

Заполненные пакеты они складировали в тележку. Судя по количеству оставшихся на прилавке шаров, одной тележки могло не хватить!

Прикинув расстояние до турникета, Шилин успокоился. «Всего три шага и свобода! А там затеряться в толпе! Шляпу только надо не забыть снять. Какой толпе? Это ведь не Коньковская ярмарка. Нет здесь толпы.

Тогда на улицу. Уже стемнело наверняка! Там изобразить, что якобы ищущий свой «Крайслер» на стоянке».

Как только симпатяшка положила очередной пакет в тележку и на секунду потеряла его из вида, Шилин резко по-

вернулся и сделал три спасительных гигантских шага. Вот турникет позади! Ура! Свобода!

За спиной он услышал хор просящих и умоляющих голосов всех троих симпатяшек.

– Джаст э момент, сэр! Плиз! Джаст э момент! Сорри! Сорри! Сорри! Экскъзми, сэр! Плиз! Экскъзми, сэр!

Они поняли, что вместе с русским исчезает их надежда на пре-мию за реализацию залежалого товара, а может быть и на повы-шение по службе.

Но Шилин уже летел над землей, едва касаясь ее ногами. Он, начальник отдела солидной организации, уважаемый человек, отец двоих детей, убеленный сединой, убегает, как заяц, от американских красоток, пытающихся всучить ему шариков на тысячу, без малого, долларов, которую он никогда не держал в руках.

В голове засело «Джаст э момент». «Черт побери, что бы это значило? Надо запомнить. Как доберусь до своих, спрошу. На „держите его“ не похоже. Сколько им надо времени, чтобы орга-низовать погоню? Минут пять! Успею! Вот уже ближайший выход на улицу».

Когда крики «Экскъзми, сэр! Джаст э момент!» стали доноситься совсем издалека, он успокоился. Вряд ли они кинулись за ним вдо-гонку. Если следовать их менталитету, то сейчас они получат взбучку от завотделом, или как он у них называется, менеджера, за то, что упустили такого клиента. Нового русского с такими деньжищами!

Медленно считали. Вместо того, чтобы просто взвесить на весах! Бедные девки! Что они теперь будут делать с шарамми? Опять запаковывать? Симпатяшек было искренне жаль.

Разве они могут понять русского человека, зашедшего в такой, не мыслимый для России начала девяностых, магазин с четырьмя долларами в кармане? Да никогда!

Выбежав на улицу, он поднял воротник, снял шляпу, втянул голову в плечи, ссутулился как мог, чтобы стать меньше ростом, и постарался затеряться среди редких прохожих. Шел дождь, никаких прохожих не было.

Ему казалось, что по всему штату Калифорния объявили «план перехват» по поимке русского, который навел шороху в отделе резиновых изделий торгового центра «Вестфилд», чтобы засунуть ему в одно место четыре тысячи шариков.

Когда он вошел в свой отель, весь мокрый, усталый и злой, он увидел своих сослуживцев, которые сидели за столиками в холле и сразу в лоб задали ему вопрос:

– Ну, что отоварил мелочь?

Вместо того чтобы подарить им по двадцать шариков, как он первоначально планировал, Шилин ответил:

– Сдалось мне шляться по магазинам с четырьмя долларами в кармане. Я гулял. Дышал воздухом свободы! Сейчас пойду в бар, закажу себе рюмку виски.

– На виски не хватит. Едва на бокал пива. Как раз четыре дол-лара стоит.

– Четыре доллара за бокал пива 0,33! Грабеж! Что же

можно купить за 4 доллара? – спросил Шилин.

– Глиняных негритосов в магазине для бедных и таких как мы, под названием «Ван долларс» – ответил один из сослуживцев и показал статуэтки.

– Да, мужики, чуть не забыл, что такое по американски «Джаст э момент»?

Шилин очень хотел расширить свой словарный запас, хотя знал, что вряд ли он ему пригодиться.

Гудбай, Америка!

СПЕЦМАГАЗИН

Спецмагазин строителей располагался на первом этаже пя-тиэтажки в однокомнатной квартире. Из кухни я сделал склад. Построил там стеллажи из половой доски до самого потолка. В самой комнате соорудил нечто похожее на прила-

вок. Он делил комнату пополам. За прилавком стояла продавщица. Перед прилавком толкались приехавшие с трассы и имевшие разнарядку от начальства на приобретение товаров и другие блатные из местных. Посторонних в магазин не пускали. Объявлений с режимом работы на нем не было.

Работал магазин по принципу: будешь хорошо вести себя, тебе разрешат купить ковер, дубленку, аппаратуру, норковую шапку, женские сапоги, польскую косметику, джинсы, хрусталь, чешскую бижутерию, растворимый кофе, тушенку, мясо, водку, благородное вино, американские сигареты и другой товар, от вида которого во времена развитого социализма у людей мутилось сознание. Все импортное, лучшего качества, но самое желанное было китайским! Зонтики, махровые цветные полотенца, термосы, фонарики, чай, свитера и другой трикотаж.

Поистине главным сверх дефицитом была импортная туалетная бумага. Многие видели ее первый раз в жизни. Ни у кого даже мысли не возникало использовать ее по назначению. Для этой цели хватало периодики. Она использовалась, исключительно, для подтирания прямо противоположного места, а именно как салфетка и только за праздничным столом. Некоторые и вовсе хранили ее для подрастающих детей, чтобы преподнести в качестве свадебного подарка.

Как его не грабанули? Впрочем, охранная сигнализация была. Продавщица была классической внешности торговли тех времен. Мордатая, толстая, коротконогая хамка Лизка,

неопределенного возраста. Мне она казалась теткой, а лет ей было от силы тридцать, но с таким цветом лица! Далекое персик. Воровка еще та! Как она оказалась в таком значном месте? Кто ее протезировал? Как можно козла заставлять сторожить капусту? Можно было только догадываться, каким образом или каким местом она сделала такую «головокружительную» карьеру.

Магазин был перегружен дефицитом. Люди мечтали попасть в него если не купить что-то, то хотя бы полюбоваться и пооблизываться. Своего рода «Березка» местного разлива.

Как ни странно, я был единственным, кто остался равнодушным к этому ассортименту. Мало того, что мне ничего не полагалось из-за моей второстепенной роли на стройке, так и денег у меня не было, чтобы это покупать. Но мою роль в обеспечении функционирования этого магазина трудно было переоценить.

Я встречал самолеты, которые с материка везли эти самые то-вары. Организовывал их разгрузку, доставку и многое другое.

Продукты я переправлял на трассу для организации дополнительного питания рабочих.

Негласно магазином командовала жена начальника. А как иначе?

Продавщица меня не любила. Честный сильно, ничего не просит, в глазки не заглядывает. «Прикидывается», – ду-

мала она.

Честных она не встречала на всем своем тернистом пути к карье-ре продавщицы спецмагазина. Терпела меня, как могла. Ведь без меня она, как без рук.

Я ее тоже не жаловал. Ненавидел торгашей и таксистов по определению, но тоже терпел, как мог. Своего рода единство и борьба противоположностей.

Я жил в том же подъезде, в котором располагался и магазин, но выше этажом. Рано утром меня будит стук в дверь.

– Караул! Магазин заливают! – Спокойно! Без паники!

Выбегаю на лестницу в чем мать родила: в трусах и в майке. Спых-ватившись, возвращаюсь назад, одеваю брюки. Лизку колотит.

Забегает в магазин. С потолка склада, точнее кухни, хлещет вода на мешки с сахаром, мукой, крупами, сухарями, бубликами. Заливает картонную тару с печеньем, киселем, вафлями и др.

Скоро дойдет очередь до упаковок сигарет, чая и тряпья. Времени на размышление – секунды. Принимаю решение перетаскивать мешки и другой харч в соседнюю комнату, т.е. в сам магазин.

Даю команду:

– Беги на улицу, хватай пару мужиков, тащи их сюда. Пусть таскают мешки.

Сам бегу на второй этаж, стучу в дверь квартиры на втором этаже. Тишина. Никого нет. Это уже хуже. Что делать?

Ломать дверь? Снизу вопль:

– Еще сильнее хлестанула! Где ты?

Вода уже просочилась и стала капать в той комнате, в которую по моей команде таскают мужики с улицы мешки и коробки. Еще немного, и она польется с такой же силой и там. Не на улицу же таскать добро! Растащат, не успеешь глазом моргнуть. Народ у нас честный! Одним словом: «несуны». Так их называла официальная пропаганда. Унесут все, что можно унести.

Что делать? Лизка впала в истерику:

– Дубленки замокнут! – орет она с первого этажа так, что я слышу наверху. Это вам не мешок сахара! Здесь другие деньги!

Что делать? Ну не пластырь же заводить, как подводники. Хоть задом затыкай!

Вижу, коробки с печеньем, конфетами «Мишка косолапый», вафлями, мармеладом, павидлом уже выносят из магазина на лестничную клетку.

Народ, спускающийся с верхних этажей, наблюдает этот спектакль, спотыкается о разбросанные коробки, мешки, дивится на разбросанный дефицит. Все, что вывалилось из тары, моментально исчезает в карманах, сумках, под полами одежды.

А народ все прибывает. Подтягиваются с улицы, привлеченные истощенными криками и суетой. Появились и добровольные помощники, которые быстро разобрались в ситуа-

ции.

– Кто дал команду? – ору я. – Кто тут командует кроме меня? Тут уже я впал в истерику:

– Назад, мешки и все остальное – в магазин! Оказывается, команду дала Лизка.

– Назад, я сказал!

Все смотрят на меня, как на главного и последнюю надежду. – Ну! Ну!

– Давай команду ломать дверь! Потом разберемся.

– Главное перекрыть воду! – вдруг кто-то крикнул, осененный мыслью.

– Надо перекрыть стояк или весь дом.

– Где же этот спасительный, чертов стояк или кран? – Где он расположен?

– В подвале!

Я метнулся в подвал, все добровольные помощники за мной. Я уж не помню, сколько их было. Подвал с торца дома. Прибежали, на двери огромный замок.

– Чертов замок! Это сложно! Подвал закрыт. Пока сломаем замок, пока будем крутить все краны подряд... Проще прорваться в квартиру и там перекрыть воду.

Все развернулись, как один, и снова рванулись в подъезд следом за мной. Молнией взлетели на второй этаж.

Нас становилось все больше. Добровольные помощники по-полняли наши ряды. Появились и зрители, которые отличались тем, что помощники мотались следом за мной, а зри-

тели стояли у двери магазина и ждали, что же они начнут выносить еще? Чем бы поживиться!

На их лицах я заметил злорадство. Так вам и надо! А как бы вы реагировали, когда в вашем подъезде, за закрытыми дверями день и ночь торгуют дефицитом, а вы, как люди второго сорта, толь-ко облизываетесь. Их можно было понять. Мне и самому иногда было стыдно за причастность к этому социалистическому способу распределения благ.

Общее число участников события уже достигло пятнадцати человек, а может быть и больше того.

Мы снова, в который уже раз за это утро, оказались перед этой пресловутой дверью второго этажа.

Я рывкнул:

– Тихо, вы! – и припал ухом к двери. Шум и гам, доносившийся с первого этажа, не позволил мне диагностировать источник протечки. Я еще раз в исступлении забарабанил в дверь. Вдруг кто-нибудь появился, пока мы носились вокруг дома. Никого. Надежды таяли. Дверь надо ломать!

Снизу донесся очередной истеричный вопль Лизки: – Сигареты! Сигареты спасайте!

Я представил себе блоки «Марльборо», текущие в потоке воды, и содрогнулся. Жалко! Сам я курил, но только болгарские, «Шипку». На другие сигареты не хватало.

– Может, милицию позвать, прежде чем ломать? – предложил кто-то робко.

– Какая милиция?! Пока ты дозвонишься, пока они при-

едут... А потом, чего бы они вдруг поехали на протечку? Делать им нечего?

– Кто знает, кто тут живет? – задал я вопрос окружающим меня. Никто ничем не мог мне помочь.

– Может, в домоуправление?

– Какое домоуправление, каждая секунда дорога!

Ну, кто даст команду ломать дверь? Кто смелый? Все взоры обратились на меня.

Я сдался:

– Ломай, – обратился я к здоровому мужику в майке-безрукавке на голое тело, визуальнo выделив его из толпы, как наиболее крепкого физически. Он сначала было метнулся к двери, но что-то его остановило в последний момент.

– Не ссы, я отвечаю! – подбодрил я его. Видимо, я был так убедителен, что он поверил, что за сломанную дверь отвечать не ему, а сломать так хотелось! Руки чесались! Так хотелось посмотреть, что же там внутри.

Он сделал два шага назад, больше не позволяла ширина лестничной клетки, и с этого короткого разбега плечом, как-то не очень уверенно пошел на дверь. Выражение на его лице было таким, что никто не сомневался в успехе благородного дела по взламыванию двери чужой квартиры.

Толи от недостатка разбега, толи от недостатка массы его тела, (большей массой не обладал никто из всех участников события) он как-то неловко налетел на дверь одновременно и плечом, и коленом. Дверь отозвалась глухим звуком,

но устояла.

Тут я не выдержал: – Отойди на ...!

Без всякого разбега, размахнувшись ногой, я впечатал правой ступней 45 размера ноги прямо в район замочной скважины двери и чуть было не рухнул внутрь квартиры по инерции, вслед за распахнувшейся со страшным грохотом дверью. Периферийным зрением я успел заметить, как вылетевший из двери замок поскакал, словно теннисный мячик, по коридору к кухонному окну и затих там под каким-то шкафчиком.

Все, не сговариваясь, обгоняя меня, ломанулись внутрь квартиры на кухню, следом за улетевшим замком.

То, что мы увидели, повергло нас в шок! С потолка кухни ручьем текла вода!!!

– Мать честная! Не ту дверь выломали! – произнес кто-то в наступившей тишине.

И только в этот момент я вспомнил, что в подъезде 5 этажей! Мне захотелось проснуться. Нет! Не может быть! Как я мог не подумать об этом? Идиот! А помощники тоже хороши. Хоть бы кто сообразил. Пытался я оправдаться перед сами собой.

Наверняка, на третьем этаже спокойно спит какой-то паразит, забывший закрыть кран, даже не предполагая, какие события происходят этажом ниже.

Ну, сейчас я ему покажу кузькину мать! Я рванул на третий этаж. Вся толпа последовала за мной. Кому-то да-

же удалось меня обогнать. Пока трое молотили кулаками в дверь квартиры третье-го этажа, четвертый звонком, как морзянкой, отбивал SOS.

К моему ужасу, а может быть к счастью, этого мужика тоже не было дома. Мы бы его разорвали на части. Квартира была пуста!

Интуитивно я чувствовал, что на первом этаже уже началась истерика. Харч не успевали перекладывать с места на место. В мое отсутствие, без лидера, там уже царил хаос. Кто, что носил и куда, невозможно было понять!

Лизка, как опытная воровка, первая поняла: магазин просто грабили! Раскисшие картонные коробки не выдерживали переноски. Днища их разваливались на глазах. Под ноги сыпалось печенье «Крокет», вафли «Артек», конфеты «Красная шапочка». Высыпавшаяся мука, замешенная ногами суетящихся людей, превратилась в тесто. Сахара было так много, что он не успевал таять.

– Водка! Где водка? Убью! – Лизка уже ничего не спасала. Она с матом и руганью гнала всех подряд прочь из магазина.

Те, кто уже сделали по одной ходке, успели вернуться назад в надежде пожить еще. Но тут в эпицентре событий снова появился я, взявший себя в руки после первой неудачи со взломом квартиры на втором этаже.

Никогда еще Лизка так не радовалась моему появлению. Она наконец-то поняла, что без меня ей не взять ситуацию под контроль.

Я схватил первого попавшегося мне навстречу мужика и резко распахнул его пиджак. Второму, пробежавшему мимо меня, успел поставить подножку. Он загремел со всего размаха в образовавшееся месиво на полу, но не обиделся, а быстро вскочил на карачки и продолжил свой побег. Из-за пазухи у него вывалился кусок мяса, блок сигарет.

Упаковку туалетной бумаги мне удалось отобрать у мужика, которого я крепко держал за грудки.

– Сука! Я этой бумагой заткну тебе одно место наглухо!

От этого вопля мужик, растаскивая тесто по всему подъезду, бросился бежать, держась за указанное Лизкой место. Поверил! И правильно сделал – она могла бутылкой огреть любого и ей ничего бы за это не было. Близость к дефициту делала ее неподсудной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.